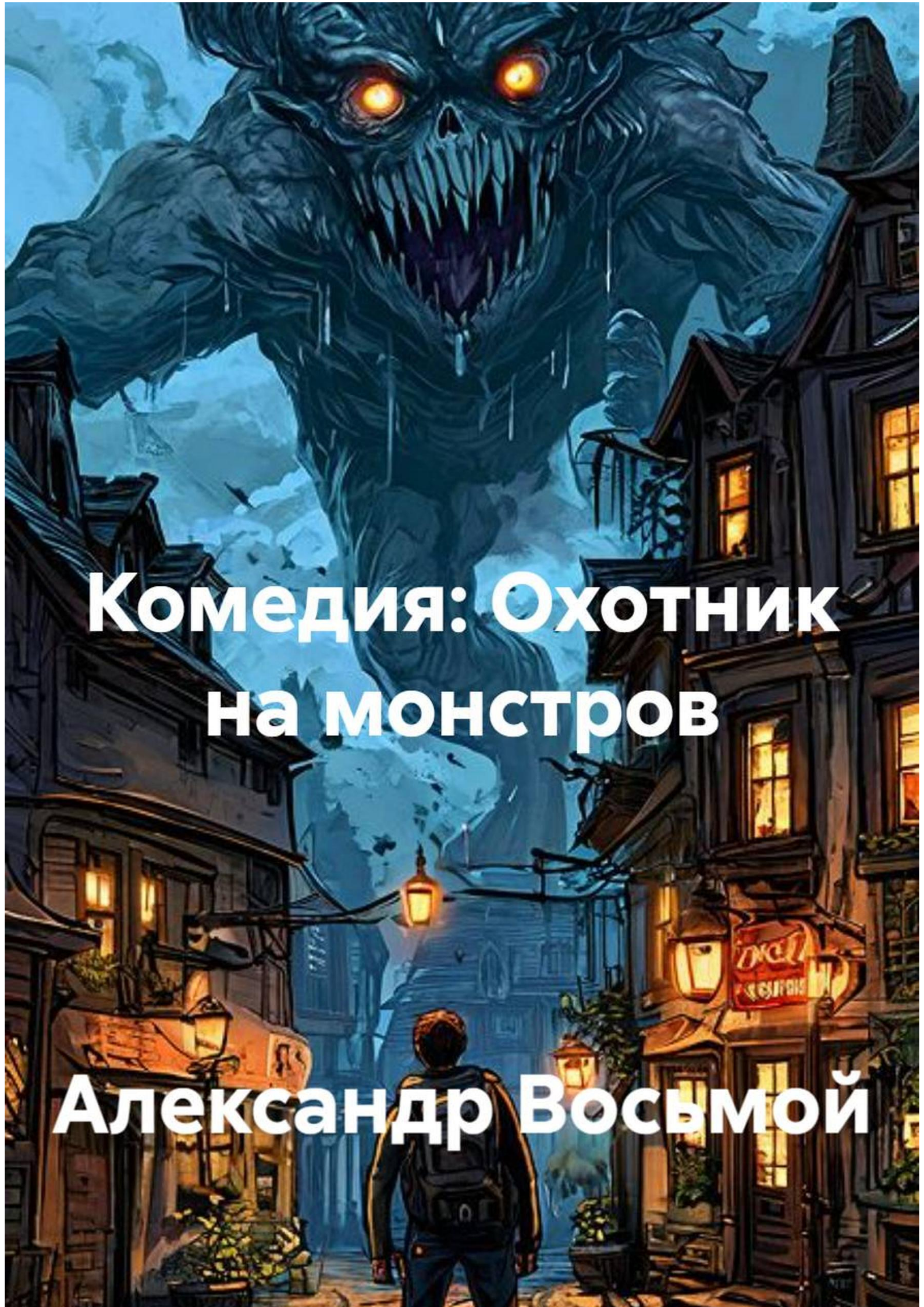

Комедия: Охотник на монстров

Александр Восьмой

Александр Восьмой

Комедия: Охотник на монстров

«Автор»

2026

Восьмой А.

Комедия: Охотник на монстров / А. Восьмой — «Автор», 2026

Охотник на монстров, который боится темноты. Профессиональный охотник на чудовищ, который панически боится темноты, вынужден сражаться с существами, появляющимися именно ночью. Его стратегия — использовать столько фонарей, чтобы осветить целый город, и надеяться, что монстр испугается яркости. Эпичность — в героических попытках преодолеть свой страх, а юмор — в нелепых методах борьбы и постоянных недоразумениях.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Комедия: Охотник на монстров

Глава 1. «Лицензия на монстров и справка о боязни темноты»

Город засыпал, и вместе с сумерками просыпались неприятности. Улицы, ещё минуту назад оживлённые и дружелюбные, теперь будто съёживались, прятали углы в чернильную тень, а фонари, будто сговорившись, мигали нехотя, словно раздумывали: стоит ли вообще трудиться этой ночью.

Именно в этот час по переулку шёл человек, который выглядел так, будто сошёл с обложки героического эпоса. Плащ с тяжёлой подкладкой, перчатки с металлическими вставками, на поясе — набор инструментов, назначение которых пугало даже дворников. На груди поблёскивал значок: «Охотник на чудовищ, лицензия № 482».

Это был Арнольд Вейн — гроза монстров, легенда кварталов, человек, чьё имя заставляло дрожать даже особо дерзких троллей.

Но у легенды была одна маленькая деталь, о которой знали только кадровики Гильдии Охотников. Она пряталась в самом низу медкарты, напечатанная мелким шрифтом, будто её стеснялись: *«Паническая реакция на отсутствие освещения. Рекомендовано избегать ситуаций с уровнем освещённости ниже 50 люкс».*

Сейчас уровень освещённости был где-то около «мрачной легенды, которую лучше не проверять».

Арнольд остановился у витрины лавки «Свет и уют». Внутри мерцали лампы, гирлянды, прожекторы и даже один подозрительно мощный маяк, явно предназначенный не для квартиры. Для Арнольда это был не магазин — это был арсенал надежды.

— Я беру всё, — выдохнул он, едва переступив порог.

Продавец, пожилой мужчина с лицом человека, который видел слишком много охотников, не моргнул.

— Всё? — спокойно переспросил он. — Даже гирлянду «Праздничный рассвет»? Она мигает в ритме вальса.

— Особенно её, — кивнул Арнольд. — Если монстр увидит это, он сам сдастся из чувства жалости к моим глазам.

Через пятнадцать минут Арнольд вышел, обвешанный фонарями, как новогодняя ёлка — только с более серьёзными намерениями. В одной руке он держал прожектор, в другой — упаковку батареек, которую можно было использовать как щит. На плече болталась гирлянда, которая уже начала тихо напевать что-то подозрительно танцевальное.

Первая миссия ждала его на заброшенной фабрике за городом. По данным Гильдии, там завелся Скряг — существо, питающееся страхом и старыми кабелями. И, что особенно неприятно, Скряги обожали темноту. Они не просто жили в ней — они коллекционировали тени, гордились глубиной своих укрытий и устраивали соревнования: кто спрячется так, чтобы даже эхо не нашло.

Когда Арнольд подъехал к фабрике, ворота были распахнуты, а внутри царил такая густая тьма, что казалось, будто здание проглотило свет и теперь переваривает его с недовольным урчанием.

Арнольд глубоко вдохнул, поправил фонарь, который называл «Луч Надежды», и прошептал:

— Я профессионал. Я справляюсь с чудовищами. Я просто... не люблю, когда ничего не видно.

Он щёлкнул выключателем.

Прожектор взвыл, как раненый дракон, и выплюнул столб света, который ударил в стену с такой силой, что штукатурка вздрогнула. В глубине фабрики что-то зашипело.

— Это не страх, — быстро сказал Арнольд в темноту. — Это тактика. Я провожу разведку светом.

Ещё один щелчок — и включилась гирлянда. Теперь фасад фабрики выглядел так, будто готовился к корпоративу, который никто не заказывал.

Из темноты раздался голос — скрипучий, недовольный, будто кто-то тёр наждачкой по стеклу:

— Ты что, праздник устроил?

— Это операция «Ослепительная справедливость», — твёрдо ответил Арнольд, хотя его рука слегка дрожала. — И ты сейчас увидишь, на что способен охотник... при хорошем освещении.

Скряг вышел из тени — не величественно, а скорее раздражённо, как человек, которого разбудили ради опроса в выходной. Он был невысоким, покрытым чешуёй, с глазами, которые явно не привыкли к яркости. При виде гирлянды он поморщился.

— Слишком много синего, — проворчал он. — И ритм сбивает.

— Отлично, — пробормотал Арнольд. — Значит, работает.

Он сделал шаг вперёд, держа прожектор как меч. Свет ударил Скрягу прямо в глаза, и чудовище отступило, прикрывая лицо когтистой лапой.

— Эй, полегче! — возмутился Скряг. — Это уже не охота, это фототерапия!

— Считай это спецэффектом, — буркнул Арнольд, стараясь, чтобы голос звучал грозно, а не как у человека, который очень хочет включить ещё одну лампу. — Ты нарушаешь покой города. А я — нарушаю твой комфорт. Это баланс.

Скряг посмотрел на гирлянду, потом на прожектор, потом на Арнольда, который стоял, окружённый светом, как герой из эпической баллады — только с лёгкой паникой во взгляде.

— Знаешь, — медленно произнёс Скряг, — я, пожалуй, вернусь позже. Когда тут будет... темнее.

И он исчез в тени так быстро, что даже эхо не успело поздороваться.

Арнольд постоял ещё минуту, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась не злой, а просто уставшей. Потом медленно опустил прожектор. Его плечи опустились, и он выдохнул — первый спокойный выдох за вечер.

— Ну вот, — тихо сказал он. — Ещё один монстр побеждён... светом, гирляндой и чувством собственного достоинства.

Он выключил гирлянду — та обиженно пискнула, будто не хотела уходить со сцены. Прожектор щёлкнул и затих. Вокруг снова сгущалась темнота, но теперь она казалась чуть менее страшной.

Потому что Арнольд знал: если станет совсем плохо, у него ещё есть запасные батарейки. И план Б: осветить весь город. И, возможно, попросить соседей не выключать свет в окнах.

Он поправил плащ, спрятал лицензию во внутренний карман и пошёл прочь, оставляя за собой не следы, а лёгкий ореол надежды — и пару забытых проводов, которые напоминали, что даже легенды иногда торопятся.

А где-то в темноте, далеко за пределами света, Скряг бормотал себе под нос:

— В следующий раз возьму с собой солнцезащитные очки. Обязательно.

Глава 2. «Город, который должен светить»

Утро после схватки со Скрыгом выдалось странным. Арнольд Вейн проснулся не от крика петуха и даже не от привычного скрежета городских труб — его разбудил солнечный зайчик. Причём не какой-нибудь скромный лучик, а настоящий световой снаряд, отразившийся от крышки чайника, отскочивший от зеркала, ударивший в стену и только потом добравшийся до его глаз.

— Это уже перебор, — проворчал Арнольд, натягивая подушку на голову. — Я хочу победить темноту, а не чтобы она мстила мне светом.

Но чем дольше он лежал, тем яснее становилось: победить темноту можно только одним способом — сделать так, чтобы темноты просто не существовало. Ни в переулке, ни на фабрике, ни даже в самом глубоком подвале, где, по слухам, тени собирались на тайные собрания.

К полудню план оформился в голове Арнольда как военная доктрина: «Операция „Дневной режим“». Её суть была проста и гениальна: превратить город в настолько ярко освещённое место, что монстры будут обходить его стороной из уважения к зрению. Или хотя бы из страха ослепнуть.

Он начал с лавки «Свет и уют», где продавец уже узнавал его по звуку звенящих проводов.

— Опять вы, — вздохнул продавец, глядя, как Арнольд тащит к прилавку коробку с прожекторами. — Скажите честно: вы открываете ночной клуб или готовитесь к световому апокалипсису?

— Я спасаю город, — серьёзно ответил Арнольд. — От тьмы. И от монстров. И, возможно, от самого себя.

— Тогда возьмите ещё вот это, — продавец протянул ему светоотражатель для велосипеда. — На всякий случай. Вдруг монстр нападёт на велосодорожке.

Арнольд взял. Потому что «на всякий случай» было его девизом.

Следующие три дня город наблюдал за тем, как его улицы превращаются в съёмочную площадку фантастического блокбастера. Арнольд закупал всё, что могло излучать свет: прожекторы, гирлянды, новогодние огни, уличные фонари, лампы для аквариумов (потому что «они дают мягкий, но уверенный свет»), даже светящиеся палочки для вечеринок — «на случай экстренной эвакуации с иллюминацией».

Он не просто ставил фонари — он выстраивал их в тактические цепочки, рассчитывая углы падения света, зоны перекрытия и «слепые пятна», которые могли стать укрытием для особо хитрых чудовищ. На центральной площади он развернул настоящую световую батарею: три прожектора смотрели строго вперёд, два — по бокам, один был направлен вверх, «чтобы деморализовать летающих монстров», а гирлянда висла вокруг памятника основателю города так плотно, что сам основатель, будь он жив, наверняка попросил бы немного воздуха.

И вот настал вечер, когда Арнольд щёлкнул главным рубильником.

Площадь вспыхнула.

Это было не просто освещение — это был вызов ночи. Свет ударил в небо, оттолкнулся от облаков и вернулся обратно, умноженный эхом отражений. Птицы, готовившиеся ко сну, замерли в воздухе, потом неуверенно сделали круг и снова взмыли вверх — они решили, что наступил рассвет. Чайка, известная своим скептицизмом, села на прожектор и задумчиво посмотрела на часы.

— Либо я проспала сутки, либо тут что-то не так, — пробормотала она и улетела искать нормальную темноту.

В окнах домов загорались огни — но не потому, что жители хотели света, а потому, что они пытались понять, что происходит. Кто-то радостно кричал:

— Фестиваль! Наконец-то у нас фестиваль!

Кто-то выглядывал из окна и спрашивал:

— А это точно не репетиция конца света?

Первые часы город ликовал. Дети бегали по площади, радуясь, что можно играть до полуночи и всё видеть. Старики, страдавшие от бессонницы, наконец-то чувствовали себя понятыми. Даже коты, обычно предпочитавшие темноту, бродили по улицам с видом важных гостей на приёме.

Но к двум часам ночи настроение начало меняться.

Из одного окна раздался усталый голос:

— Можно чуть потише со светом? Я пытаюсь уснуть!

Из другого:

— У меня будильник настроен на рассвет, а он уже третий раз срабатывает!

А из третьего, особенно выразительного:

— Если это фестиваль, то пусть он закончится до выходных!

Арнольд стоял в центре площади, окружённый светом, и слушал эти голоса. Он не был глупцом — он понимал, что спасает город, но, возможно, делает это слишком... ярко.

— Простите, — тихо сказал он в сторону окон. — Я не хотел мешать. Просто я боюсь темноты. А монстры её любят.

На мгновение над площадью повисла тишина — та самая, которая бывает, когда люди вдруг понимают, что за абсурдным поступком стоит настоящий страх.

А потом из окна высунулся сосед — тот самый, с чашкой чая, который уже стал неофициальным хроникёром ночных приключений Арнольда.

— Слушай, — сказал он спокойно, — если тебе так страшно, давай я просто не буду выключать свет в гостиной. И попрошу жену не гасить лампу на кухне. Мы сделаем свой маленький световой фронт. Но гирлянды с памятника сними, ладно? У основателя города и так лицо вечно недовольное, а теперь он выглядит так, будто его ослепили.

Арнольд кивнул. Он снял гирлянду — она обиженно мигнула напоследок, как будто не хотела расставаться с памятником. Прожекторы он оставил, но повернул чуть в сторону, чтобы свет не бил прямо в окна.

И тогда случилось нечто неожиданное: город не стал темнее — он стал уютнее. Свет теперь не сражался с ночью, а договаривался с ней. Он очерчивал границы безопасности, подсвечивал тротуары, делал тени менее пугающими.

Где-то в переулке шевельнулась тень. Арнольд напрягся, рука потянулась к выключателю прожектора. Но тень оказалась всего лишь котом, который вышел проверить, не осталось ли где-нибудь кусочка колбасы.

— Спокойно, — прошептал себе Арнольд. — Мы просто освещаем город. Ничего особенного.

Кот посмотрел на него, зевнул и ушёл в сторону менее освещённого двора — туда, где тьма была не врагом, а просто фоном для ночных дел.

Арнольд улыбнулся. Впервые за долгое время он почувствовал, что страх можно не победить одним ударом, а приручить — шаг за шагом, фонарь за фонарём.

А на рассвете, когда первые лучи солнца смешались с остатками искусственного света, площадь выглядела не как поле битвы, а как место, которое сумело договориться с темно-

той. Птицы больше не путались во времени, жители потихоньку привыкали к новому ритму, а Арнольд сидел на скамейке, смотрел, как тает ночная тень, и думал:

— Может, мне и не нужно освещать весь мир. Достаточно того, чтобы мой кусочек мира был светлым.

И где-то в глубине города, в самом тёмном углу, Скряг поправил воображаемые солнцезащитные очки и пробурчал:

— Ладно. Пусть светит. Но если он снова включит эту гирлянду с вальсом — я уйду в другую вселенную.

Глава 3. «Монстр, который любит тень, и охотник, который ненавидит её»

Ночь накрыла город плотным одеялом, и казалось, что с каждым часом тьма становилась не просто отсутствием света, а почти живым существом — густым, вязким, умеющим прятать в себе всё самое неприятное. Арнольд Вейн стоял на углу улицы, сжимая в руках «Луч Надежды» так крепко, будто от силы хватки зависело, останется ли свет вообще во вселенной.

Он уже успел расставить по району несколько дополнительных фонарей — не просто для красоты, а по строгой тактической схеме: «зона первичного освещения», «зона вторичного контроля» и «аварийный световой коридор» на случай, если придётся срочно отступить к более людному месту. Но даже эта продуманность не спасала от ощущения, что из каждой щели на него смотрит что-то, чему очень нравится темнота.

И это «что-то» действительно смотрело.

В переулке, у самого обычного мусорного бака, притаилась тень. Не просто тень — а тень с характером. Она лежала на асфальте, как ленивый кот, только вместо мурлыканья в ней чувствовалось предвкушение. Из этой тени выглядывал глаз — один-единственный, блестящий, с вертикальным зрачком, который то сужался, то расширялся, будто оценивал, насколько Арнольд готов к неприятностям.

Это был Тенеглот — монстр, который не столько нападал, сколько обижался, если его тень трогали. Он обожал узкие углы, трещины в кирпичной кладке и любые места, куда свет попадал неохотно. А ещё он был мастером по части «исчезнуть ровно в тот момент, когда ты навёл фонарь».

Арнольд сделал глубокий вдох, расправил плечи и принял позу, которую в Гильдии охотников называли «Эпическая готовность № 3»: одна нога вперёд, корпус слегка наклонён, фонарь поднят, взгляд устремлён в неизвестность. В теории это выглядело как сцена из героической саги. На практике его рука дрожала так, что луч света выписывал на стене нервные зигзаги, похожие на график биржевых котировок в кризисный день.

— Я тебя вижу! — громко произнёс Арнольд, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не как у человека, который уговаривает себя не убегать. — Наверное.

Из тени донеслось тихое, почти вежливое фырканье.

Тенеглот не спешил выходить. Вместо этого он чуть подвинулся, и тень стала ещё плотнее, будто монстр подсыпал в неё дополнительную порцию темноты. Арнольд почувствовал, как по спине пробежал холодок, и не тот, что бывает от ветра, а тот, который приходит, когда понимаешь: ты стоишь один, а напротив — кто-то, кто считает темноту своим союзником.

— Ладно, — пробормотал Арнольд, опуская фонарь и тут же снова поднимая его, потому что темнота пугала даже на расстоянии вытянутой руки. — Давай по-хорошему. Ты уходишь, я не заливаю весь переулок светом, и мы оба сохраняем нервы.

Ответа не последовало. Зато тень шевельнулась, и из неё показалась когтистая лапа — аккуратная, ухоженная, будто монстр следил за маникюром даже в самых тёмных углах.

Арнольд понял: переговоры зашли в тупик.

Он щёлкнул переключателем на фонаре, выкручивая яркость на максимум. Луч ударил в асфальт, в стену, в мусорный бак — и, наконец, прямо в тень. Тенеглот недовольно зашипел, как кот, которому наступили на хвост, и отпрянул, но не исчез. Вместо этого он начал... играть.

Сначала он спрятал лапу. Потом глаз. Потом тень стала такой тонкой, что казалась просто трещиной в асфальте. Арнольд водил фонарём туда-сюда, пытаясь поймать монстра в фокус, но каждый раз луч натывался на пустоту, а из темноты доносилось едва уловимое хихиканье.

— Эй, — уже не так уверенно сказал Арнольд. — Это не смешно.

— А мне смешно, — неожиданно ответил Тенеглот из-за бака. Голос у него был низкий, бархатный, с лёгкой насмешливой интонацией, будто он всю жизнь вёл подкасты про уют и теперь решил, что Арнольд — идеальный гость для выпуска «Как напугать охотника светом».

— Ты... разговариваешь? — удивился Арнольд.

— Конечно. Я не просто тень, я личность. И у меня есть границы. А ты их нарушаешь.

— Я нарушаю границы? — переспросил Арнольд, чувствуя, как эпичность момента стремительно утекает сквозь пальцы. — Я спасаю город!

— От меня? — Тенеглот выглянул снова, на этот раз полностью, и Арнольд увидел, что монстр не такой уж и огромный — скорее, среднего размера, с пушистыми краями, как у облака, и парой лишних теней, которые он носил, как накидки. — Да я даже никого не ел сегодня. Только старую газету. И то потому, что она была в тени.

Арнольд замер. В его картине мира монстр должен был рычать, бросаться и крушить всё подряд. А этот... жаловался на нарушение личных границ.

— Слушай, — осторожно начал Арнольд, — если ты не собираешься устраивать хаос, может, мы просто договоримся? Ты держишь свои тени при себе, а я... не заливаю весь район светом.

Тенеглот задумался. Его тень слегка подрагивала, будто он взвешивал варианты.

— Ну, — протянул он, — я мог бы держаться подальше от главных улиц. Но мне нужны укромные уголки. Без них я... теряю форму.

— Укромные уголки, — повторил Арнольд, пытаясь уложить это в свою охотничью логику. — То есть ты не против, если я поставлю фонари на перекрёстках, но оставлю тебе пару тёмных дворов?

— Именно, — кивнул Тенеглот. — И, пожалуйста, не используй этот прожектор с синим спектром. Он делает мои тени слишком резкими. Это некрасиво.

Арнольд моргнул. Он стоял посреди ночного переулочка и обсуждал дизайн теней с монстром. Это точно не входило в план «Операция „Дневной режим“».

— Договорились, — наконец сказал он, опуская фонарь. Луч света лёг на асфальт, очерчивая границу — не линию атаки, а линию компромисса. — Ты не пугаешь людей, я не слеблю тебя. И... никаких старых газет на детской площадке.

— Идёт, — хмыкнул Тенеглот и скользнул обратно в тень, на этот раз без спешки, как человек, который нашёл общий язык и теперь уходит по-хорошему. — Но если кто-то снова включит гирлянду с вальсом — я ничего не обещаю.

Когда тень окончательно растворилась в темноте, Арнольд ещё минуту стоял, прислушиваясь к тишине. Она больше не казалась злобной — скорее, уставшей после долгого спора. Он выключил фонарь, и переулочек тут же стал обычным: просто улица, просто бак, просто ночь.

Но теперь ночь не казалась врагом. Она была просто фоном, на котором иногда появлялись странные союзники.

Арнольд поправил плащ, спрятал «Луч Надежды» в чехол и пошёл прочь, чувствуя, как с плеч спадает тяжесть. Не потому, что победил, а потому, что сумел договориться.

А где-то в глубине переулочка Тенеглот устроился поудобнее в своей любимой тени, пробормотал:

— Всё-таки синий спектр — это перебор, — и затих, довольный тем, что хоть кто-то его понял.

Глава 4. «Инвентарь: 37 фонарей, 2 запасные батарейки и надежда»

Утро выдалось на редкость спокойным — настолько, что Арнольд Вейн заподозрил неладное. Тишина в городе звучала подозрительно, будто ночь просто затаилась, собираясь с силами перед новой атакой. А значит, самое время проверить снаряжение.

Арнольд распахнул шкаф, и тот отозвался глухим лязгом, будто внутри хранился не инвентарь, а коллекция древних доспехов. На деле это был арсенал света: фонари, лампы, прожекторы и прочие устройства, призванные не дать темноте ни единого шанса.

Он сел на пол, разложил всё в строгом порядке — по размеру, по яркости, по степени надёжности (и по тому, насколько сильно каждый фонарь ассоциировался у него с чувством безопасности) — и начал инвентаризацию.

— Тридцать семь фонарей, — пробормотал он, записывая в блокнот. — Два комплекта запасных батареек. И... надежда.

Надежда не вписывалась в таблицу, но Арнольд всё равно вписал её отдельной строкой и подчеркнул три раза.

Первым на осмотр попал «Луч Надежды» — его главный фонарь, тяжёлый, с рифлёным корпусом и кнопкой включения, которая нажималась только с третьей попытки. Для Арнольда это был не просто прибор, а почти фамильная реликвия: он купил его в первый день работы охотником, когда ещё верил, что одной хорошей лампы хватит, чтобы разогнать любую тьму.

— Ты мой верный клинок, — тихо сказал Арнольд, поглаживая корпус. — Только клинок, который иногда капризничает.

Рядом лежал фонарь-талисман — маленький, почти игрушечный, с поцарапанным стеклом и надписью «Свети всегда», выцарапанной на боку. Его Арнольд носил в нагрудном кармане, как медальон. Он не давал много света, но давал ощущение, что «хоть что-то горит».

— Если всё остальное погаснет, ты будешь моим последним аргументом, — пообещал он фонарику.

Третьим в ряду стоял фонарь-подарок от бабушки. Он был старомодным, с деревянной вставкой и тёплым, почти домашним светом. Бабушка подарила его, когда узнала, что внук «борется с ночными страхами профессионально».

— Она думала, это метафора, — вздохнул Арнольд. — А это была инструкция к моей жизни.

Дальше шли тактические фонари: мощные, угловатые, с режимами стробоскопа, красного света и «ослепления особо упрямых теней». Один из них включался только если постучать по нему — не сильно, не слабо, а именно так, будто просишь разрешения поработать. Арнольд давно смирился с этим ритуалом и теперь стучал по фонарю почти уважительно.

— Ну давай, — шептал он. — Сегодня важный день. Не подведи.

Был ещё прожектор, который он называл «Грозой Тьмы». Он был настолько тяжёлым, что Арнольд носил его не в руках, а на специальной подставке, которую пристёгивал к поясу. В теории это делало его похожим на рыцаря с боевым щитом. На практике это делало его похожим на человека, который заблудился на съёмочной площадке фантастического фильма.

Отдельно лежала гирлянда, та самая, с вальсовым ритмом мигания. Арнольд посмотрел на неё с лёгкой тревогой.

— Ты хорошая, — признался он. — Но, пожалуйста, не сегодня. Сегодня нам нужна серьёзность.

В углу пристроился светоотражатель для велосипеда — тот самый, который продавец из «Света и уюта» вручил ему «на всякий случай». Арнольд не знал, зачем он ему, но выбросить не мог: вдруг монстр нападёт именно на велосодорожке.

Последним он достал лампу, которую называл «Домашний очаг». Это была простая настольная лампа с тканевым абажуром, которую он брал с собой на долгие дежурства. Она не годилась для битвы, но годилась для того, чтобы сидеть в патрульной машине и чувствовать, что где-то рядом есть кусочек уюта.

— Ты не для сражений, — сказал Арнольд лампе. — Ты для того, чтобы напоминать: не всё должно быть ярким. Иногда достаточно просто быть тёплым.

Когда инвентаризация закончилась, Арнольд сложил всё обратно, стараясь уместить тридцать семь фонарей так, чтобы они не звенели при ходьбе. Это было почти искусством: один фонарь — сюда, другой — туда, третий — под мышку, четвёртый — на пояс, пятый — в карман, шестой — в рюкзак, седьмой... ну, седьмой он просто держал в руке, потому что иначе чувствовал себя незащищённым.

На пороге он остановился, оглянулся на комнату, где каждый угол теперь казался чуть менее тёмным благодаря запасному свету, и глубоко вдохнул.

— Мы готовы, — сказал он вслух, будто обращаясь ко всему своему арсеналу сразу. — Даже если сегодня тьма решит, что она сильнее.

И тут «Луч Надежды» предательски моргнул.

Арнольд замер.

— Нет-нет-нет, — быстро прошептал он, постукивая по корпусу. — Только не сейчас. Мы же договорились: ты работаешь.

Фонарь моргнул ещё раз, будто раздумывал, стоит ли вообще трудиться этой ночью, а потом вспыхнул — ярко, уверенно, почти торжественно.

— Спасибо, — выдохнул Арнольд. — Я знал, что ты не подведёшь.

Он вышел на улицу, и город встретил его вечерними сумерками — не враждебными, но настороженными, как будто тоже готовился к чему-то. Фонари на столбах горели, окна светились, витрины магазинов переливались, и среди всего этого света Арнольд шёл, обвешанный своими лампами, как герой эпоса, который вместо меча выбрал свет.

Где-то в переулке шевельнулась тень. Арнольд напрягся, рука потянулась к «Грозе Тьмы», но он сдержался. Вместо этого он просто щёлкнул переключателем на «Луче Надежды», и луч лёг на асфальт, очерчивая границу между тем, что можно увидеть, и тем, что лучше не видеть вовсе.

Тень не исчезла — она просто отступила чуть дальше, туда, где свет был слабее, но не исчезал совсем. И этого было достаточно.

— Сегодня мы держим линию, — тихо сказал Арнольд. — И у нас для этого есть всё. Даже светоотражатель для велосипеда.

А где-то в глубине города Тенеглот, устроившись в своём любимом углу, посмотрел на полоску света, дотянувшуюся почти до его укрытия, и пробормотал:

— Ладно, пусть светит. Главное, чтобы опять не включил эту гирлянду с вальсом. У меня от неё тень дёргается.

Город продолжал жить своей вечерней жизнью: машины ехали, люди спешили домой, фонари горели, а среди всего этого двигался человек, который верил, что свет — это не просто отсутствие тьмы, а способ сказать ей: «Сегодня ты не победишь».

И, возможно, именно в этом и заключалась его настоящая сила.

Глава 5. «План А: свет. План Б: ещё больше света. План В: звать на помощь»

Ночь над городом висела, как тяжёлый бархатный занавес — густая, плотная, будто специально сшитая для того, чтобы прятать в себе всё самое неприятное. Арнольд Вейн стоял на углу улицы, сжимая в руке «Луч Надежды», и пытался выглядеть так, будто он полностью контролирует ситуацию.

На деле ситуация контролировала его.

План А был простым и элегантным: залить всё светом. Арнольд включил три прожектора, развернул гирлянду из двухсот лампочек (которая, по его подсчётам, давала примерно 87 % яркости солнца) и расставил по периметру дополнительные фонари, чтобы не осталось ни одной подозрительной тени.

Первые пять минут всё шло идеально. Тени отступали, асфальт блестел, даже мусорный бак выглядел благородно в таком освещении. Арнольд позволил себе короткий момент самодовольства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.